

Весной 1837 года, как только подсохли знаменитые своей грязью российские дороги, в Царском Селе собрался в далекий путь многоэкипажный конный поезд: девятнадцатилетний наследник престола, великий князь Александр Николаевич, только что закончивший основной курс обучения необходимым будущему царю наукам, по приказу отца, Николая I, отправлялся во главе обширной свиты в большое путешествие по России.

Наследнику предстояло проехать около 12 тысяч верст и обозреть империю до Урала и Западной Сибири на востоке, до Смоленска на западе и до Елисаветграда на юге.

Николай I собственноручно составил обстоятельную инструкцию наследнику. Сформулирована была и главная задача вояжа: «Путешествие имеет двоякую цель: узнать Россию, сколько сие возможно, и дать себя видеть будущим подданным».

Вместе с будущим императором ехал и наставник наследника поэт Василий Андреевич Жуковский.

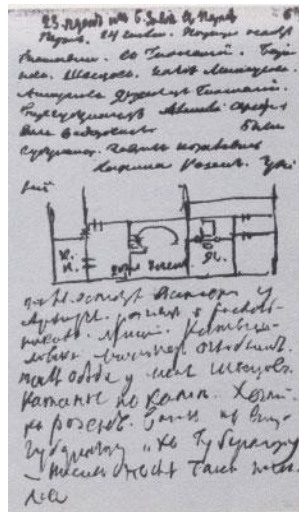
О чем думал Жуковский в коляске, начиная это продолжительное путешествие, можно только предполагать — свидетельств не осталось. А вот что увидел за это время, с кем встречался, что делал — оказалось возможным

узнать: Василий Андреевич вел дневник. И не потому, пожалуй, что к этому обязывало распоряжение Николая, а в силу давней привычки вести путевые записи.

И этот дневник сохранился. Его подготовил к печати и опубликовал в 1902—1903 гг. в журнале «Русская старина» директор Публичной библиотеки И. А. Бычков.

Правда, первое знакомство с дневником может разочаровать. Это даже не

конспект, а какие-то пунктирные заметки, понятные, пожалуй, только самому автору их.

Поздно вечером 23 мая путешественники прибыли в Пермь, и началась уральская часть вояжа.

Из биографии Жуковского известно, что он неплохо рисовал и гравировал. Учился этому он у

профессора Дерптского университета Зенфта и у известного русского гравера И. Н. Уткина.

Не рисовал ли он что-либо и в это путешествие? Оказывается, — да, рисовал! Об этом есть свидетельства и в самом дневнике

И — один другого интереснее. Виды городов — Пермь, Екатеринбург, Невьянск, Нижний Тагил, Тобольск, Златоуст, Магнитная, Оренбург. Виды гор, степи, рек, мелких станиц и деревень....

Записи... Порой прыгающие вкривь и вкось (на дорожных ухабах!) строчки, недописанные слова, порой какие-то иероглифы, понятные только самому писавшему их.

Вятская губерния граничила с Пермской, значит - с Уралом. Да и связи этих двух краев, экономические и культурные, были давними. На территории вятской земли действовали заводы, подчинявшиеся Уральскому горному правлению. Так что с Уралом Жуковский начал знакомиться еще на подходе к нему.

И кто бы из друзей и читателей Жуковского мог подумать, что этот поэт-романтик, автор фантастически-таинственных баллад и идиллических элегий — так неожиданно для всех (а может, и для самого себя?) столь заинтересованно и увлеченно будет осматривать дымные и жаркие заводские цеха и вникать в тонкости грязного фабричного производства.

Другая тема, с которой Василий Андреевич столкнулся в Перми и которую он принял близко к сердцу, — вопрос о раскольниках. Этот вопрос всех интересовал на Урале, был злободневным и острым.

Трудолюбивые, строгих нравов кержаки являлись идеальной рабочей силой. Но если приказчик казенного завода не мог взять на работу объявленного вне закона старовера, то хозяева частных заводов — Демидовы, Яковлевы, Турчаниновы, Походяшины — этим ничуть не стеснялись (иные из них и сами тайно хранили преданность старой вере), с охотой брали таких, ибо это давало возможность жестче эксплуатировать людей, оказавшихся, по сути дела, бесправными. Но именно заинтересованность в такой рабочей силе с годами ослабила нетерпимость властей к раскольникам. Прежнее бесправие сменилось каким-то полуофициальным признанием права на жизнь. Но не на веру — гонения церкви на обряды, священнослужителей и молельни продолжались, сила их чаще всего зависела

лишь от степени фанатизма местного иерарха православия.

Жуковский, противник любой нетерпимости (за что нередко вызывал огонь на себя справа и слева), конечно, не мог равнодушно пройти мимо этой проблемы, за которой стояли страдания десятков тысяч людей.

Однако есть в его уральских зарисовках и необычная для прежних работ черта. Какая уж возвышенность в покосившихся хибарах, в водовозных бочках у заводской «пожарки» в Тагиле, в неприбранности майдана Магнитной. Уж на что, казалось бы, романтический мотив — Невьянская башня, с которой связано столько таинственных легенд (надо думать, что Жуковскому о ней достаточно порассказали, пока они пили чай под ее сенью 27 мая), но и она подана как-то сдержанно, суховато, как один из «кольев» его дневника. Даже хребты Южного Урала, романтические уже сами по себе, не вызвали у рисовальщика желания придать им холодную возвышенность и таинственность, присущую прежним его рисункам.

«Проезд через Миасский завод. Прибытие в Златоустовский». Наконец-то! Златоуст — не такой уж большой заводской поселок, приютившийся у подножия горы Косотур, в самом, пожалуй, живописном месте Южного Урала. Основанный в середине XVIII века купцами Мосоловыми небольшой железодельный заводик со временем перешел в казну и стал одним из лучших в Европе оружейных заводов. Тон жизни здесь задавал, конечно, завод — прекрасно по тем временам оборудованный, щедро субсидируемый казной, с отлично налаженным производством, квалифицированными кадрами

мастеров, передававших секреты профессии от отца к сыну.

Словом, в Златоусте было что показать и что посмотреть. Хозяева показали, гости посмотрели, приняли памятные подарки — кому какие, смотря по чину и рангу, постреляли по картам из поднесенного каждому оружия. Но больше, кажется, увлеклись природой, и в

самом деле здесь необыкновенной. Примечательно, записи Жуковского о природе стали иными. Теперь в них видится зерно поэтического образа: «Огромный камень посреди равнины, как вершина погребенной горы...», «Взволновавшаяся и окаменевшая пустыня...», «Горы, как лев или крокодил, лежащие поперек. По спине их дорога». Это же, можно сказать, поэтические заготовки. В дневнике нет стихотворных строк, но появилось поэтическое восприятие увиденного. Василий Андреевич пребывал не просто в хорошем — в возвышенном настроении.

Источники:

- Уральский вояж Жуковского – Режим доступа: http://www.urbibl.ru/Knigi/kurochkin/ural_nahodki_9.htm. – 19.06.2012г.
- Курочкин Ю. Жуковский едет по Уралу // Уральский следопыт. – 1973. - № 11.

Составитель: Шакирова О.Б., зав.ОБР

Центральная городская библиотека
Отдел библиографической работы

Уральский вояж В.А.Жуковского

**В.А.Жуковский
(1783-1852)**

Миасс
2013